

Алексей СВЕРТИЛОВ

МОНТЕВИДЕО

ТРИ ДНЯ В УСТЬЕ ЛА-ПЛАТЫ

На подходе к Монтевидео «Эрнст Кренкель» поднял уругвайский флаг — голубые полосы и солнце (похожее на подсолнух) в углу. Под звуки аргентинского танго входим в порт.

Город красив. Это какой-то простор в море зелени. В отличие от Гибралтара, места здесь не экономят: широкие, словно распахнутые, проспекты, просторные площади и зеленые тоннели разбегающихся от них улиц. Широколистные деревья создают тень и игру ночных фонарей по вечерам, огромные пальмы кучкуются то тут — то там, напоминая, что мы в субтропиках. На площадях, с непременным памятником они выстраиваются в почетное каре. Шум листьев сбивает ритм столицы, настраивает на прогулочный лад. Множество кафе. И здания — каменная музыка итальянской школы. Они тронуты временем и от этого особенно прекрасны. Уругвайцы — красивы. Мужчины статны, смуглы, крючконосы, но их я запомнил почему-то плохо, а вот женщины! Они не все красавицы, но у большинства осанка балерин и походка манекенщиц. Как несут себя! Какие спины, посадка головы!

Полуденный свет слепит глаза. Справа высотное здание, первый в Латинской Америке небоскреб. Но ничего небоскребиного (при 108 м) в нем нет, скорее он выглядит как просто высокий дворец. А в центре площади бронзовый всадник, который топчет мемориал

собственного имени, но о нем позже.

Заглядываем в магазины. Внутри много удобных скамеек, фонтанчики, минискверики. Они, как правило, прошивают квартал насквозь, выходя на параллельную улицу. Цены высокие, но и уровень европейский. В одном из них с удивлением обнаруживаем скульптуру Айседоры Дункан. У бассейна, среди цветов и декоративных кустов, сложная композиция, изображает слияние двух тел. Она называется «Экстаз». За тысячу верст от России, почти через столетие: «Заметался пожар голубой ...». Это читал Есенин

Многие кварталы напоминают Одессу — Пушкинскую, Гоголя, Итальянскую улицы. Выходим на большую площадь с причудливой скульптурой столкнувшихся в яростной битве всадников. Называется она «Итерер» т.е. путаница. Потом идем к фонтану, где рядом небольшая детская площадка, на которой играют дети. В старинный собор захожу непременно.

Поднявшись по стертым ступеням, после солнечной улицы, словно окунаемся в огромную залу и поражаемся ее необычностью. Вдоль стен, довольно плотный ряд витых колонн старинной работы. Они выполнены рабами из поделочного камня. У входа, визави, два изображения. Первое, наверное, того же времени что и колонны — монах, простерший в благословении руки с крестом и четками над

городом позапрошлого века. Это Святой Франциск. Напротив — вполне современная икона святого в одежде монаха, правая рука которого прижата к сердцу, а в левой — сброшенная роба узника концлагеря. Освещение выполнено так, что луч света падает на лицо святого и робу с лагерным номером. Кстати, я заметил, что у каждого католического храма своя световая изюминка.

Лучами, падающими из витражей, в определенное время дня, когда идет служба, высвечивается самое существенное для этого храма. Мне нравится, когда радостно вспыхивают витражи стрельчатых окон и луч выхватывает, озаряет лик Спасителя или Девы Марии.

В соборе служба. Встав у стены, наблюдаем за редкими прихожанами, рассматриваем интерьер. Из боковой двери выходит седой, высокий мужчина с четками. Видя, что мы с явным любопытством оглядываем собор, подходит к нам и улыбаясь спрашивает, говорим ли мы на немецком. Влад и я с сожалением разводим руками. Владислав Павлович пытается объясниться на английском. Теперь очередь нашего «собеседника» развести руки. Оба, смущенно улыбаясь, пытаются изъясниться. О, могущество жестов и имен собственных! Узнав, что мы с Украины, он становится особенно предупредителен. Приглашает в боковую дверь и ведет на импровизированную экскурсию, вовнутрь собора. Выясняется, что мы на территории старинного Францисканского монастыря, существующего чуть ли не со дня основания города. Что собор восстановлен силами немецкой колонии Уругвая и посвящен младшему (?) монаху Максимилиану, погибшему в Освенциме, в 1941 году. Через боковую дверь выходим в очень ухоженный, симпатичный испанский дворик. Два этажа, с галереей балкона-навеса по всему периметру дома, фонтан посередине двора. Все ухожено, вычищено, выкрашено. Седой мужчина приглашает в помещения монастыря. При нем, как обычно, лицей. Он пуст — каникулы. Мы идем по коридорам, где время словно остановилось. Потолки перекрыты огромными деревянными балками. По ходу заглядываем в стеклянные двери классов, библиотеку, и наконец мы в каком-то катакомбного вида овальном зале, где из темноты светится старинный знак христианства — Рыба. Скамьи выполнены в виде полуколец, потолки низкие, тяжелые, как в пещере. Здесь еще большая отрешенность от всего, что за стенами монастыря. Лицеистов сюда не пускают, это место молитв только для монахов. В полумраке горит знак Рыбы и электрические, тусклые свечи.

Тепло прощаемся с нашим экскурсоводом. Солнечный свет в глаза, каменные ступени в подошвы, вновь асфальт тротуара. Мы постепенно удаляемся от центра. Здесь дома — победнее, зеленый тоннель платанов все ча-

ще дает прорехи. Мысли возвращаются к улыбчевому, предупредительному старику. Какие ветры закинули его в Уругвай? Откуда он знает об Украине? Почему так искренне хотел сделать нам приятное?

Дорога пошла под гору. Чувствовалось, спускаемся к набережной. От океана, вдоль улицы пахнул ветер. Несмотря на усталость, с горы на ветерке идти легко. Мы в районе, напоминающим Молдаванку, не внешне, нет, а каким-то духом мещанско-ремесленного квартала. Дома двухэтажные, в испанском стиле. Здесь как и на Молдаванке, к вечеру, жизнь выползает на улицы. Обитатели сидят на лавочках, судачат, курят, пьют вино. Между ними крутятся дети разных калибров, но все смуглые, шустрые.

В пролете улицы показался океан. Вышли на широкую набережную, застроенную современными многоэтажными домами. Чувствуется здесь живут люди побогаче. Территория вокруг таких домов огорожена изящными заборчиками, но с натянутой поверху колючей проволокой. За проволокой удивительно красивые кусты, усеянные, неправдоподобно большими и яркими тропическими цветами.

Здесь тоже многие вышли семьей на улицу, сидят на лавочках или прямо на траве газонов, но вина меньше и сидят не улицей, сосед с соседом, а каждая семья сама по себе. Вдоль набережной много спортивных мини-площадок. На многих из них мальчишки играют в футбол. Уйма памятников. Как пу-

шек в Гибралтаре. На набережной встретился совершенно непостижимый. На постаменте, сделанном в виде двух ступеней. На верхней — вариация на тему «шестеренка — оружие пролетариата», выполненная в бетоне. А нижнюю ступень украшает маленькая бронзовая голова какого-то английского виконта, позеленевшего от старости или от злости на этого самого, глупого, с шестеренкой.

Под памятником сидел веселый, худощавый дедок, с немыслимо щеголеватыми закрученными, как у Дали, усиками. Портрет довершал, длинный, по-испански хищный, но весьма симпатичный нос. Дедок пил вино и заразительно хохотал, оживленно рассказывая нам что-то несомненно интересное, тыкал в памятник пальцем. История невероятно смешная, так как после каждой фразы он делал глоток вина и долго, заразительно смеялся. Мы тоже.

Далее, по набережной, совсем свеженький бюст какой-то поэтессе, еще далее — какому-то Дрейку — английскому послу. И так почти до порта, через каждые пятьдесят метров. Но среди разных и часто оригинальных тем и мотивов, разрабатываемых скульпторами, доминирует память о национальном герое Артигасе. Он у них — отец нации, уругвайский Ленин. Такое впечатление, что в Мотевидео только и ждут с нетерпением какого-то предлога, обычно смерти любого мало-мальски значимого общественного деятеля, чтобы поставить очередной бюст, а если с этим происходит непредвиденная задержка, ставят очередной памятник Артигасу.

Мы приближаемся к порту, и наконец-то здесь встречаем так полюбившиеся в Гибралтаре пушки.

Позеленевшие стволы, как всегда и везде, смотрят с приветом в простор горизонта.

Монтевидео — день второй (19 февраля)

Экскурсовод — невысокая молодая женщина. Смуглое, с несколько крупными чертами лицо. К нашему удивлению, прекрасно, хотя и с легким акцентом говорит на

русском. Ее зовут Мая или Майя, на слух трудно понять. Дочь бывших политэмигрантов выросла в Москве и любит нашу страну. До сих пор не может разделить русскоговорящих туристов (обычно моряков) на жителей России и Украины.

Проехав припортовую и очень не уютную часть города, с тесными, серыми улицами и памятником конкистадору на побережье, въезжаем на центральную площадь, откуда вчера начинали свой поход. Здесь стоит уже знакомый памятник генералу Хосе Хервасио Артигасу (Ortígas), памятники которому мы встречали в самых неожиданных местах, от супермаркета, до главпочтамта. Под статуей — мемориал с урной, где покоится пепел национального героя. Мемориал построен в годы диктатуры и выполнен с типичной в таких случаях помпезностью и размахом. Майя, рассказывая историю, страны подчеркивает: Артигас в 1816 году основал уругвайскую нацию. Вот так: ни больше ни меньше — основал нацию. В гордости за свою страну, народ нашему гиду не откажешь. Она не преминет вскользь похвастаться, что уровень жизни в Уругвае выше, чем в большинстве окружающих стран. Конечно, они еще не достигли уровня Аргентины или Чили, но зато у них всеобщее шестиклассное образование и бесплатное медицинское обслуживание, много частных школ и клиник. В результате правильной экономической и банковской политики страна испытывает экономический подъем. Уругвай, говорит Майя, выделяется среди других стран Латинской Америки своим менталитетом, мы — европейцы. Эти слова, из уст очень смуглой женщины, с типично латиноамериканскими чертами лица, звучали бы несколько смешно, если бы не

то достоинство, с которыми они были произнесены.

Тем временем, пощелкав фотоаппаратами на памятник, остатки крепостных ворот и первое в Южной Америке высотное здание, все спускаются по широченной лестнице в мемориал. Мягкое боковое освещение. Вехи жизни Артигаса (даты выдающихся побед военных и политических), его передвижения после смерти, т.е. где и когда перезахоранивали прах генерала, запечатлены надписями на стенах. Урну с прахом охраняют два гвардейца, одетые как фотомодели. Они стоят без движения и без выражения, держа марку гвардии. Этим они ввели в заблуждение доверчивых киевлян и керчан, которые долго и оживленно спорят, живые это солдаты или чучела. Их сомнения разрешил Игорь Скопиченко. Подойдя вплотную к одному из них, он достал свой

«Nikon», скомандовал: «Улыбнись!» — и щелкнул вспышкой. Гвардеец, не выдержав марки, моргнул.

По проспекту Привлекательно-му (какое название!), мы направляемся к зданию парламента. По дороге Майя рассказывает, что в Уругвае сохраняется тайна банковских вкладов, поэтому в последнее десятилетие появилось много банков. Уругвай даже стали называть латиноамериканской Швейцарией. Другая, нетрадиционная статья дохода, — активно развивающийся туризм. Благодаря климату и прекрасной архитектуре столицы Уругвай постепенно становится

страной туризма. Ему еще далеко до Бразилии, с ее карнавалами и знаменитыми пляжами, но он менее криминогенен и, на мой взгляд, по менталитету действительно ближе к Европе, чем к Латинской Америке. Кроме этого, с удивлением узнаю, что из Уругвая экспортируются редчайшие сорта мрамора, в скульптурные мастерские Италии, Франции. В том, какой это мрамор, я убедился, побывав в здании парламента.

Не парламента — дворец. Все отделано мраморами редкой красоты, обилие витражей и зеркал, огромных зал, арочных коридоров. Здание открыто для экскурсий. Скрывать такую красоту действительно — грех.

Едем в район Праги — аристократический пригород столицы. Шикарные особняки. А вот и резиденция президента. Батеньки мои! Всего-то небольшое двухэтажное здание, когда вокруг такие шикарные особняки. Да у нас на Фонтане дома покруче. Скромно, даже слишком, для президента. Майя рассказывает, что хотело правительство Уругвая откупить более шикарный особняк по соседству, но владелец отказался. В отличие

от построек наших нуворишей, размеры особняков сравнительно небольшие, но прекрасной архитектуры и не повторяются. Есть церковь. Средняя по размерам, единственная в Монтевидео в стиле готики, она стоит среди высоких деревьев. Мы выходим из автобуса, и тихий, аристократический квартал наполняется нашим плембейским шумом. Церковь закрыта. Майя договаривается, и нам открывают двустворчатую дверь.

Здесь мало икон, нет позолоты, но много цветных витражей, устремленных ввысь стрельчатых окон. Все направлено для концен-

трации внимания на две — три иконы и скульптурное изображение распятого Христа. Этой же задаче служит ярко-красный фон за скульптурой Спасителя. Другая точка концентрации внимания направлена ввысь, к куполу, в космос.

Подъезжаем к горе Серо, где издавна селились эмигранты. Улицы названы в честь всех стран мира. Германия представлена как ул. Пруссия и ул. Бавария. Есть улица Польша, Франция, Россия, Австрия, в общем, вся политическая карта начала нашего века. В сквере — памятник Эмигранту: с котомкой на плече он смотрит на страну, куда закинула его судьба и где теперь — его будущее. Может, мы только-только проехали особняк, принадлежащий его внукам. Далее памятник Переселенцам, еще Гаучо (пастуху), покорителю бескрайней пампы (степей), и в начале экскурсии, — конкистадору. В Уругвае культ переселенцев и эмигрантов. Они создали страну. Практически все уругвайцы — эмигранты в 3-4 поколениях. Более всего выходцев из Италии (47%). Это проявляется, прежде всего, в архитектуре и ненасытном желании ставить памятники и скульптуры.

На трех памятниках хочу остановиться подробней. Памятник последним аборигенам (индейцам) поражает своей аморальностью, вернее цинизмом. На обширных просторах Ла-Платы, к началу нашего века индейцы были истреблены. Лишь небольшая, чудом сохранившаяся, группа влачила жалкое существование. Просвещенные «бледнолицы» отловили вождя этого некогда многочисленного племени, его сыновей и в клетке отправили несчастных дикарей, в Париж, на всемирную выставку достижений человечества. Там они вскоре умерли от тоски и непривычных условий. Вот такое достижение народного хозяйства продемонстрировал Уругвай, встречая нынешний век. Почти спустя столетие они поставили своим жертвам памятник. Последние из «могилок» стоят свободными. Но будь я скульптором, то поместил бы их в клетку. Это был бы памятник — напоминание, памятник — предостережение. Впрочем, на площадях Монтевидео запечатлено много противоречивых моментов истории. Это и монументы двум генералам, стоящим на небольшом отда-

лению друг от друга. Они возглавляли противоборствующие стороны во времена гражданской войны прошлого века, в результате которой маленький Уругвай чуть было не разделился на два государства.

Еще два памятника — Переселенцам. Один, очень динамичная скульптурная группа, где всадники и повозка преодолевают какую-то речушку. Все напряжены, лишь женщина сидящая в крытой повозке с младенцем на руках, смотрит со спокойной надеждой на сыновей и мужа, ведущих караван.

Пока мы осматривали город, ветер усилился. Наш гид, с утра проводившая экскурсии, одета легко, она замерзла, устала. Но вежливо отвечает на все, иногда довольно-таки дурацкие, вопросы.

— Почему быки исписаны маркерами?

— Их каждый месяц моют, но хулиганы пачкают вновь.

— Почему так много памятников?

— Мы не имеем привычки их сносить, это наша история, она у

нас короче, чем в Европе).

Наконец-то добираемся до вершины горы. Здесь мы ради крепости, положившей начало Монтевидео. Гора — маленький вулканчик (138м.), сложенный базальтами. Кроме крепости, на горе ветер. Он рвет рубашку, обтекает лицо плотным потоком. С вершины хорошо просматривается весь залив и берег в пене прибоя. Если смотреть на север, открывается панорама города, порт, где вдоль волноломов вскипели белые буруны, а за ними, в тиши гавани, спрятались суда. Издали они — как аккуратные игрушки начала века. Среди них у причала — наш «Кренкель», тоже маленький и аккуратный. К югу город редсеет, сходит на нет.

Крепость невелика. Маленький дворик с колодцем, несколько жилых помещений. В одном из них кабинет коменданта с его восковой фигурой в старинном кресле за не менее старинным столом. Стараюсь представить, как жил маленький гарнизон, среди малярийных болот, вдали от родины, близких, в окружении враждебных племен, со страхом встречая на горизонте паруса, которые могли быть португальскими, английскими, пиратскими. Так же дули ветры или допекал зной, а жизнь протекала медленно и уныло, как в лобом заброшенном на край света гарнизоне. Хотя для чего тогда им были нужны огромные мечи, секиры, арбалеты, пиццали, которые в изобилии представлены в маленькой, но неплохой коллекции оружия, особенно холодного.

А может наоборот, это моя жизнь тянется уныло, так как никогда не столкнет меня с коня чужое копьё и не в силах мне перерубить чей-то щит огромным двуручным мечом, выставленным у стены?

Поражает несоответствие до-

спехов на низкого человека и этих огромных костедробилок — мечей, секир, пик и других замысловатых приспособлений для разрушения плоти. В других залах огнестрельное оружие. Посещая такие музеи, не нарадуешься творческому гению человечества. Сколько выдумки и любви вкладывает люди в индустрию убийства. Как изящны ручки пистолетов, как совершенна линия шпаги или ятагана. А возьми обоюдоострую красоту кинжала, разве можно создать такое не любя!

Направляемся в порт, проезжаем мимо стадиона, где в 1936 году проходил первый чемпионат мира по футболу. Уругвайцы тогда взяли пальму первенства.

Продрогли, купили в припортовой лавке вина для глинтвейна, розового термидора. В порту ветер навстречу, бросает в лицо колючий

песок, забивает пылью глаза. Пошел дождь. Попробовав вино, передумали изводить такую прелесть на глинтвейн, от него исходил аромат аргентинских виноградников и лился свет раннего заката.

И был вечер, и было утро: день третий...

В каждой стране, где бываю, жалею, что не могу понять: из-за чего поспорили школьники, о чем неторопливо толкуют два старика присевшие в сквере на скамейку, или спросить, что это за клуб «Уругвай» с гигантской залой во все здание и великолепным лепным потолком, которой виден через огромные проемы аркообразных окон. Правда, незнание языка обостряет визуальное восприятие и развивает смекаливость. Все же ясно, что говорит пожилая уругвайка малышу, который пытается схватить пухлой ручонкой упругую струю фонтана. Можно пофантазировать про разговор двух приятельниц. Тем более они, как большинство латиноамериканцев, сопровождают фразы выразительными жестами

Еще в первый день мы обратили внимание, что уругвайцы, то в кафе, а чаще всего просто на улицах сосут что-то, используя специальные трубочки, типа кальянов. Потом, гуляя по центральному проспекту, на многочисленных лотках видел сосуды-тыквочки и эти кальянички, похожие на ложечку для заварки чая. Тыквочки дорожке зашиты в кожаный футляр, он и определял стоимость прибора. Они разной работы и в разную цену, от богато инкрустированных, продаваемых в дорогих ювелирных магазинах, до дешёвешного — типичного ширпотреба. На экскурсии Майя объяснила, что у них

пьют гэрба-матэ, национальный напиток уругвайцев и аргентинцев. Заваривается он из травы, которая растет в пампе. Употреблять гэрба-матэ начали пастухи — гаучо. По вкусу напиток напоминает зеленый чай, хорошо утоляет жажду и немного тонизирует.

Утром уходим из Монтевидео, от его распахнутых проспектов, великолепных особняков и площадей, окаймленных зелеными стройными пальмами. Прощаюсь с городом и его жителями, в которых смешалась кровь народов Европы и Америки. Стоя на палубе судна, потягиваю матэ из кальяничка, рассматриваю панораму города, медленно удаляющегося за кормой, и узнаю места, где побывал. Совсем недалеко от берега торчат из воды мачты затопленного командой немецкого броненосца «Адмирал граф Шпее»...

21 февраля, в полдень, столица Уругвая — Монтевидео исчезла из поля нашего зрения, а «Эрнст Кренкель» вышел в океан и взял курс на Антарктиду. Ближайшая стоянка судна в порту будет лишь через два месяца. По селектору предупредили об экономии пресной воды, как технической, так и питьевой. Шторм задержавший наш выход на сутки утих, но еще свежая волна, захлестывает корму. Маська, которой устроили конуру на корме, пока предпочитает прятаться в каюте Попова. Его конура лучше. Через вечное открытую дверь, в сизоватом облаке сигаретного дыма, просматривается фигура хозяина каюты, ссутулившегося у экрана монитора. Собака лежит под столиком, уткнувшись мордой в лапы, прикрыв глаза. Иногда она вздрагивает и даже едва-едва повизгивает во сне. Видать снятся Маське монтевидейские псы на причале. Мы тоже — в полудреме. Прикачиваем...

На память приходят строки В.П. Резника:

Уже в зените стройная фигура Ориона,

И Южный крест нас манит в дальний круг.

Разгульный свист ветров в оснастке галеона,

Отчаянный бросок на юг, на юг, на юг...

Впереди — ревущие сороковые, легендарный пролив Дрейка и Антарктида — цель нашего рейса.

Фото Валерия Соловьева

